Обсуждение коллективной монографии «„Наука о религии“, „Научный атеизм“, „Религиоведение“: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в.»

Марианна Шахнович

Этос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода

Marianna Shakhnovich

The Ethos of the History of Science: a Reconstruction of Religious Studies in Soviet Russia

Marianna Shakhnovich — Professor and Chair, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Saint-Petersburg State University. mmarsh@mail.ru

The paper provides a review and reflections on the book «The Science of Religion, Scientific Atheism, Religious Studies: Issues of the Scientific Study of Religion in Russia in the Twentieth and Early Twenty-First Century» (Ed. by K.M.Antonov, Moscow, 2014). The author of the review critically examines the volume in terms of the basic principles of the study of the history of science. In the author's opinion, the lack of archival materials as the basic source of research, as well as an absence of carefully presented bibliography of the history of religious studies in the twentieth century Russia, did not allow the contributors to give professional answers to the questions they put in the volume.

Keywords: science of religion, scientific atheism, «repressed science», historiography of the study of religion in the USSR.

Шахнович М. Этос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 185–197.

Shakhnovich, M. (2015) "The Ethos of the History of Science: a Reconstruction of Religious Studies in Soviet Russia", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33 (1): 185–197.

За последние двадцать пять лет появилось много глубоких и содержательных трудов по интеллектуальной истории науки в России в советский период, исследующих влияние идеологии на развитие естествознания и гуманитарных наук, рассказывающих о трагических судьбах ученых и о том, как развивались научные исследования в условиях идеологического диктата и подцензурной печати. Уже стали хрестоматийными работы Ф. Ф. Перченка и его коллег, книги В. Н. Сойфера, В. М. Алпатова, П. А. Дружинина, статьи А. М. Решетова и др.[1]

Методология написания работы по интеллектуальной истории мало отличается от любого исторического исследования: обычно оно начинается с составления библиографии вопроса, написания историографического обзора и выявления круга источников, и чем глубже проникновение в исторический материал, тем качественнее работа. Этот принцип лаконично сформулировал П. А. Дружинин в своем фундаментальном труде «Идеология и филология», посвященном драматическим событиям истории гуманитарной науки 1940-х гг. Он писал: «Стремление представить верную и аргументированную картину происходившего поставило нас перед необходимостью направить максимальные усилия на формирование репрезентативной источниковой базы»[2]. Источники, использованные П. А. Дружининым и другими историками науки, чрезвычайно разнообразны: они включают циркулярные письма и личную переписку, постановления, статьи, книги, доклады, мемуары, причем как опубликованные, так и хранившиеся в архивах и впервые вводимые авторами в оборот. Именно серьезная и кропотливая работа с источниками и позволяет исследователям, по словам того же Дружинина, «не только хронометрировать события», происходившие в науке, «но и попытаться выявить их предпосылки, а также попытаться обозначить их место на общем фоне отечественной истории»[3].

1. *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991; *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Дело славистов. 30-е годы. М.: Наследие, 1994; *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: этнографические тетради. СПб.: Вып. 5–6., 1994; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. Сост. И. Г. Арефьева. М.: Наука, 1995; *Сойфер В. Н.* Власть и наука. 4-е изд. перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002; *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Т. 1–2. М.: НЛО, 2012.
2. *Дружинин П. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 9.
3. Там же.

В 2014 году в издательстве Православного Свято-Тихоновского университета вышла книга «„Наука о религии“, «„Научный атеизм“, „Религиоведение“»[4]. К сожалению, К. М. Антонов, один из авторов этого сборника статей и его ответственный редактор, указывая на необходимость разработки «эффективной аналитической методологии»[5] изучения религиоведения советского периода и предлагая использовать для этого методологические принципы, предложенные Т. Мертоном, М. Вебером, К.-О. Апелем и М. Фуко, не поставил перед собой и своими соавторами задачу создания широкой источниковедческой базы. Он сам признал, что в работе «неучтенным остался огромный пласт архивных материалов, изучение которых в связи с данной темой, разумеется, необходимо»[6]. Антонова интересует «этос отечественной науки о религии», но открытым остается вопрос о том, как этот его интерес соотносится с «этосом» истории науки, ценностью которой является, по словам Дружинина, «стремление представить верную и аргументированную картину происходившего»? Может быть, у этого проекта были другие задачи?

Очень жаль, что авторы книги не стремились глубже ознакомиться с имеющейся литературой, не говоря уже о том, чтобы поработать хотя бы в московских архивах, где находятся фонды СВБ, МГУ и РАН. В этом случае многие из тех вопросов, которые для них остались неразрешенными, можно было бы прояснить. Например, вопрос о «восприятии и (не)понимании» теории религии Дюркгейма в советском религиоведении. Р. О. Сафронов пытается ответить на вопрос, почему наследие французского социолога «не было очень популярным у советских исследователей»[7]. Автор упоминает Ю. А. Гофмана, Ю. А. Леваду, Д. М. Угриновича и др. исследователей 1960–1980-х гг. и отмечает, что только в трудах Левады «осуществлялась „рецепция“ идей Дюркгейма». К сожалению, ни имени А. А. Богданова, ни имени Н. И. Бухарина — ярких сторонников и популяризаторов теории религии Дюргкейма — он не упоминает

4. Следует отметить, что хотя эта книга и имеет подзаголовок «Актуальные проблемы научного изучения религии в России XX–начала XXI в.», она целиком посвящена советскому периоду, за исключением нескольких страниц, где речь идет о дореволюционном преподавании религиоведения.

5. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX–начала XXI в./Сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 16.

6. Там же. С. 59.

7. Там же. С. 137.

вообще. Видимо, ему это неизвестно, иначе бы он не задавался вопросом о том, почему в 1929 году могла появиться статья Ф. Е. Тележникова, в которой идеи Дюркгейма излагались объективно, как он пишет — «на высоком научном уровне»[8], а потом о Дюркгейме начинают говорить «идеологическими штампами».

Вот образец высказывания одного из партийных публицистов на эту тему, относящийся к 1928 году и почерпнутый нами из Архива Российской академии наук: «Книга Богданова является самым распространенным учебником у нас в России и налагает на умы молодежи определенный отпечаток... И вот с этими взглядами Богданова о религии, распространенными в общемировом масштабе, солидаризировался Николай Иванович Бухарин в своей книге, где он увековечил Богданова, так как говорит, что вопрос о религии разъяснен Богдановым и я к нему присоединяюсь»[9]. С. А. Токарев в 1929 году очень позитивно высказывается о Дюркгейме: «Если раньше господствовало в науке то представление о сущности религии, которое было лучше всего выражено в свое время Тайлором, говорившим, что религия есть вера в духовные существа, вера в сверхъестественные существа и т. д. — то теперь все больше и больше начинает устанавливаться то понимание религии, которое лучше всего было сформулировано Дюркгеймом, понимание, сводящееся к тому, что религия есть не что иное, как мысленно выделение некоторого класса предметов в особый священный мир, понимание, которое совпадает с определением Рейнака — „табу“»[10]. Уже тогда «увлечение Дюркгеймом» было «объявлено опасным»[11], потому что было связано с эмпириокритиком Богдановым, а после ареста Бухарина и вообще стало невозможным.

Обратимся к другому сюжету. В 1929 году в Коммунистической академии в Москве в течение нескольких месяцев проходила дискуссия о происхождении религии. Там шла речь, в частности, и о трудах В. Шмидта, которым посвящена одна из статей К. М. Антонова в рассматриваемой нами книге. К. М. Антонов начинает с описания рецепции идей Шмидта в богословской и этнологической литературе начала XX века, а затем, похвалив Л. Я. Штернберга и П. Ф. Преображенского «за объективный анализ», сразу

8. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в. С. 140.

9. АРАН. Опись 350, дело 2, № 260. Л. 4

10. АРАН. Опись 350, дело 2, № 388. Л. 39.

11. Там же. Л. 47.

переходит к трудам 1960-х гг. Автор упоминает В. К. Никольского и его книгу «Очерк первобытного человечества», но он, к сожалению, видимо, не знает, что В. К. Никольский в 1926 году был в командировке в Европе, где довольно долго в библиотеках изучал современную литературу по ранним формам религии. В том же году он опубликовал в журнале «Антирелигиозник» большую статью, посвященную различным теориям происхождения религии, где уделил значительное внимание теории прамонотеизма, а в 1929 году в Комакадемии сделал большой доклад на эту же тему. После этого доклада развернулась дискуссия, участники которой с удовлетворением отметили, что и в западной науке приходит конец «полной гегемонии клерикального направления», поддерживающего идеи В. Шмидта. Безусловно, это экспрессивное суждение, характерное для риторики 1930-х годов, по своему критическому пафосу не отличается от используемого в 1950-е годы и цитируемого Антоновым выражения о том, что в теории прамонотеизма «слишком явно торчат богословские уши». Но автору статьи придется согласиться с тем, что Шмидт, действительно, был, как писали в те годы, «рясоносным ученым». Впрочем, в современном академическом дискурсе вряд ли будет использоваться это выражение для того, чтобы подчеркнуть, что создатель теории прамонотеизма был католическим священником.

Исследование риторики очень полезно для понимания эпохи, изучение идеологических клише и полемического дискурса позволяет понять общественное настроение и интеллектуальную атмосферу, но только в том случае если исследователь не отрывается от исторического контекста. С. А. Савицкий, внимательно изучавший интеллектуальную историю 1920–1930 гг., в одном из своих исследований пишет, что в тот период человек невольно сам подчинялся существовавшей социально-политической реальности, в противном же случае он оказывался вне современности. Савицкий приводит характерную запись из дневника Л. Я. Гинзбург, относящуюся к 1928 году: «В настоящее время неправильно разделять наших историков литературы на тех, которые пользуются социологическими методами, и тех, которые не пользуются. Нас следует разделять на тех, чьи социологические методы немедленно вознаграждаются (местами, деньгами, хвалами), и тех, чьи социологические методы не вознаграждаются»[12]. Днев-

12. Цит. по: *Савицкий С. А.* Частный человек. Лидия Гинзбург в конце 1920-х–начале 1930-х годов. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. С. 30.

ник Л. Я. Гинзбург показывает, как интеллектуал, разделявший отнюдь не все ценности советской системы, пытался найти себе место в обществе и при этом не поступиться принципами. То же касается и ученых, занимавшихся исследованием религии. Одни из них были атеистами, признающими принцип свободы совести, который они рассматривали не только как веротерпимость, но и как право быть неверующим. Другие были, как мы теперь знаем, верующими людьми, но и те и другие воспринимали «научный атеизм» в качестве навязанной сверху идеологии, новой «духовной скрепы», они отдавали себе отчет в том, что это — результат происходящих после революции политических и культурных изменений. Не будем забывать, что это поколение ученых, в отличие от многих наших современников, прекрасно помнило о том, что в дореволюционной России существовала духовная цензура и что такие науки, как этнография, фольклористика, изучение религии, находились под неусыпным надзором, ищущим всюду «подрыв основ» православно-самодержавной идеологии. Даже в рассматриваемой нами книге П. Н. Костылев в своей статье «Религиоведение в Московском университете в первой половине XX века»[13] приводит отрицательное отношение ректора Московской духовной академии к истории религии: «Зачем сравнительная история религий, которая может соблазнить? Что такое история религий, когда речь идет о спасении или гибели души для вечной жизни»?[14]

К. М. Антонов сокрушается о том, что «позитивная рецепция» идей В. Шмидта намечалась только до 1917 года, а сейчас лишь «православные авторы» интересуются Шмидтом, да и то потому, что его теория дает им «апологетическую аргументацию», в то время, как современные исследователи «склонны отмахиваться» от идей Шмидта, и тем самым «лишают себя возможности еще раз продумать вопрос о смысле и компетентности научного знания, его взаимосвязи с философским и богословским мышлением»[15]. Вот здесь, как нам кажется, автор проговаривается о «сверхзадаче» опубликованного коллективного труда — доказать, что «компетентная» наука о религии может быть только

13. В этой статье в разделе «Институализация религиоведения за пределами Московского университета» отсутствует полностью какой-либо материал или какие-либо ссылки на работы о столичном Императорском Санкт-Петербургском университете.

14. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение». С. 83.

15. Там же. С. 166.

связана с богословием. Автор все время призывает к «объективности», к «академизму», «беспристрастности», «нейтральности» и «беспартийности», но сам высказывает вполне «партийную» точку зрения, когда указывает на «церковное значение»[16] проделанной авторским коллективом работы. В этом видится определенная тенденция, суть которой, на наш взгляд, заключается в том, чтобы доказать, что на протяжении почти семидесяти лет XX века в России не было науки о религии, а после 1917 года все, что было связано с религиоведением, имело отношение только к антирелигиозной пропаганде и политической конъюнктуре.

В последние годы появилось несколько работ, в которых делается попытка доказать, что российское религиоведение «подобно миражу» — не имеет целостного образа, рассеивается и быстро исчезает. Смысл и значение подобных высказываний следует, на наш взгляд, рассматривать в общем контексте происходящей клерикализации культурной и общественной жизни и изменения отношения к научному знанию как ценности. Антонов даже пишет, что может быть «поставлен вопрос о связи между развитием религиоведческой науки и практикой преследований за веру в СССР»[17]. Он характеризует науку о религии советского времени как «экстремальную науку, отражающую деформацию нравственных норм, свойственных советскому обществу»[18].

Безусловно, занятие наукой о религии в СССР можно считать «экстремальным» делом, но только в том отношении, что ученые попадали под те же жернова сталинского террора, что и священнослужители. В последние десятилетия состоянием гласности стала трагедия российской «репрессированной этнографии», «репрессированного языкознания», «сумерек лингвистики», однако не менее трагическая история развития религиоведения до сих пор остается неизвестной, хотя архивы хранят немало интереснейших свидетельств. Например, Р. О. Сафронов в рассматриваемой нами книге на стр. 120–121 совершенно справедливо противопоставляет точку зрения Ф. М. Путинцева о сектантстве подходу В. Д. Бонч-Бруевича. Но и Путинцева, и Клибанова, и Маторина, и Бонч-Бруевича он ставит на одну доску, причисляя их всех к ученым — исследователям сектантства, в то время как Ф. М. Путинцев был «разоблачителем» не только «сектантов», но и ис-

16. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение». С. 78.

17. Там же.

18. Там же.

следователей религиозных движений. Сошлемся опять на архивные данные.

В 1928 году Ф. М. Путинцев заявлял следующее: «Когда спрашивают у тов. Бонч-Бруевич, как вы смотрите на сектантов, то Бонч-Бруевич говорит, что, несмотря на все недостатки, я считаю, что сектанты есть самая лучшая часть русского народа. Более народнической постановки вопроса представить себе нельзя. Что это значит? Беднота есть? Есть. Кулак есть? Есть. Так почему же сейчас, когда во главе (имеется в виду во главе сектантства. — М. Ш.) стоит кулачество, когда мы просим Бонч-Бруевича выступить против сектантов, он не может... Ведь Бонч-Бруевичу когда-то партия поручала защищать сектантов от попов и жандармов и он их защищал великолепно. А когда сектанты стараются использовать эти материалы, в том числе и против нас, между тем сектанты играют громадную роль против нас, так как там кулаки, то мы не находим в его лице поддержки»[19]. «Подпевалы» Путинцева предъявляли Бонч-Бруевичу еще более серьезные обвинения: «Нельзя говорить о том, что сектанты нам не враги. Нет, это наши враги, совершенно определенно наши враги. „Сектант-демократ“, как носитель демократических (то есть буржуазных) ценностей — враг социалистической пролетарской революции. С Бонч-Бруевичем случилась беда — профессия наложила на него свой отпечаток, и он стал своеобразным сектантом и перенес прежнее отношение к сектантству в иную, коренным образом отличную обстановку»[20].

Внутри так называемого «советского религиоведения» не было идейного единства, и поэтому нельзя всех авторов, писавших о религии в советское время, «мазать одной краской», да еще к тому же называть всех «учеными» или «исследователями». Можно найти многочисленные документальные подтверждения тому, что постоянно возникали противоречия между теми, кто занимался исключительно агитпропом, и теми, кто хотел проводить научные исследования[21]. Например, один из пропагандистов в 1928 году заявляет: «Нам следовало бы... поднять вопрос о необходимости у нас таких этнографических исследований, в которых этнографы вместе с тем... служили бы и задачам антирели-

19. АРАН. Опись 350, дело 2, № 336. Л. 39.

20. Там же. Л. 97–98.

21. См., например: *Шахнович М. М., Чумакова Т. В.* Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014. С. 33–34.

гиозного движения. У нас это до сих пор не всегда так бывало... Этим летом мне пришлось поехать в экспедицию в Крым к одному из наших этнографов, к которому я хотел обратиться за содействием для собирания материалов. Когда он узнал, что приезжает антирелигиозник, так он заявил, что он свою работу окончил»[22].

Для того чтобы показать исключительную идеологическую ангажированность «советского религиоведения», в книге цитируются труды партийных идеологов разного уровня, нередко чрезвычайно ограниченных и мало компетентных, а также те сочинения, которые никогда советским академическим сообществом не воспринимались как серьезные научно-исследовательские труды, даже если их авторы и имели ученые степени и высокие должности. Это примерно то же самое, что описывать советскую литературу, цитируя только сочинения Георгия Маркова, Анатолия Сафронова, Станислава Куняева или Феликса Кузнецова. Так, упоминаемые в книге сочинения А. Ф. Окулова, И. И. Бражника, Н. П. Красникова, В. Ф. Зыбковца, Н. С. Гордиенко и целого ряда других авторов могли рассматриваться в лучшем случае как научно-популярные сочинения. При этом существовал и широко известен огромный корпус исследований, который в книге вообще не рассматривается[23].

Невозможно не назвать некоторые имена и некоторые цифры. В период с 1930 по 1980 г. в СССР было опубликовано свыше 800 книг и статей, посвященных только одним ранним формам религии, были собраны и интерпретированы обширные материалы по религиозным верованиям и обрядам народов России, о которых ранее не было известно. Особенно ценен вклад отечественного религиоведения в изучение шаманства и ритуальных практик. Широкую известность приобрели труды, в которых исследуются проблемы первобытного мышления и мифологии: это сочинения В. Я. Проппа, А. М. Золотарева, А. Ф. Анисимова, Е. М. Мелетинского, И. М. Стеблин-Каменского, М. И. Шахновича, И. М. Дьяконова и др. В отечественной историографии существует восходящая к 1920–1930-м годам традиция изучения семантики мифа, опирающаяся на принципы семиотики и структурной лингвистики. Труды В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского известны во всем мире. Институт этнографии Академии Наук СССР

22. АРАН. Опись 350, дело 2, № 388. Л. 33.

23. См., например, историографический обзор: Shakhnovich, M. (1993) «The Study of Religion in the Soviet Union», *Numen* 40: 67–81.

в 1950–1960 годы издал двадцатитомный труд «Народы мира. Этнографические очерки» под общей редакцией С. П. Толстова, в котором собран и обобщен огромный этнографический материал, в том числе о религиях народов мира. История религий Древнего Востока, античности, библеистика, буддология, исламоведение, история иудаизма, индуизма, даосизма, синтоизма, католицизма, протестантизма и православия — во всех этих направлениях науки о религии было сделано немало. При этом, конечно, эти работы подвергались идеологическому редактированию как раз теми, кого авторы рассматриваемого сборника считают не «идеологическими работниками», поставленными присматривать за учеными, а исследователями, чьи труды можно рассматривать как научные[24]. О том, как это проводилось, свидетельствуют опять же архивные документы: письма, рецензии, мемуары, которые как раз и следует предавать гласности.

К сожалению, библиография и историография рассматриваемого вопроса практически всех авторов рассматриваемой книги так же мало интересует[25], как и расширение круга источников, хотя в книге и обозначен специальный раздел, названный «Историко-библиографические изыскания». Статья А. В. Кольцова «История и теория науки о религии. Аннотированный указатель русскоязычной литературы», действительно, «не претендует на исчерпывающую полноту»[26]. Он представляет собой весьма случайную и бессистемную выборку, в которой в одну кучу свалены авторефераты диссертаций, библиографические указатели, научные монографии, учебники и отдельные статьи, рассортированные по году издания, причем выбор этих дат странен и никак не объясняется: 1923, затем 1929–1933, 1936, 1938, 1940; после 1959 сразу следует 1964 и т. д. Принцип подбора работ непонятен: например, остается неясным, почему под рубрикой 1964 год оказываются три труда: статья о Бонч-Бруевиче из Ежегодника

24. См., например, о том, как менялись редакторами названия трудов, как подвергались исправлению тексты, как вставлялись цитаты классиков марксизма: О фольклористике, этнографии и истории религии (письма к М. И. Шахновичу) // Религиоведение. 2011. № 3. С. 176–179, сноски 25, 30; *Шахнович М. М., Чумакова Т. В.* Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014. С. 333–334, 338–340.

25. За исключением весьма обстоятельных историографических статей Т. А. Фолиевой, посвященных узким вопросам (анализу социальной доктрины Католической церкви и вопросам религиозного воспитания в советской историографии).

26. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение». С. 221.

МИР, причем без указания автора статьи; аннотированный указатель литературы и статья Н. Печко о диссертации Д. Аничкова.

Е. В. Воронцова в статье «Религиоведческие изыскания в России (2000–2013)» сокрушается, что учебной и научной религиоведческой литературы в России выходит крайне мало. Но это не так. Достаточно сказать, что автор обзора не указала ни одного издания о религии, опубликованного за эти годы издательствами «Славянские литературы», «Гешарим», «Индрик», «Дмитрий Буланин», «Алетейя», издательством «НЛО», издательствами Европейского университета, Русского Христианского гуманитарного университета, Библейско-Богословского института св. апостола Андрея и др. Автор этой «библиографической» публикации пишет: «История религий исключена из обзора сознательно: данная тема требует отдельного кропотливого исследования, поскольку современные издания, посвященные истории религий, зачастую выходят за границы собственно религиоведения и создаются историками, теологами, антропологами и филологами»[27].

Вот здесь, как нам кажется, появляется еще одна очень характерная для рассматриваемой книги тенденция — выделить науку о религии в какое-то особое гетто, отделить ее от тех наук, с которыми она связана и исторически, и по существу, а именно: от истории, филологии и антропологии; превратить ее в некое изучение «методологических проблем» философического свойства (куда прекрасно вписываются особым образом понятые социология и психология религии).

К сожалению, все благие помыслы почти всех авторов книги о создании «новых стратегий в изучении отечественного религиоведения» не дали того результата, которого мог бы ожидать читатель, искушенный в истории науки в эпоху культурной революции и развитого социализма в СССР. Необходимы публикации новых архивных источников и материалов, для того чтобы осветить этот очень сложный период взаимоотношения науки и власти[28].

27. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение». С. 201.

28. См. также: *Васильева О. Ю.* «Я против противопоставления советской и российской науки о религии...» // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 294–301; *Яблоков И. Н.* Самоидентификация религиоведения в современной России. К дискуссии в отечественной литературе [http://religious-life.ru/2014/10/yablokov-samoidentifikatsiya-religiovedeniya-v-sovremennoy-rossii-k-diskussii-v-otechestvennoy-literature/, доступ от 15.01.2015].

Библиография/References

Архивные материалы

Архив Российской академии наук.

Литература

Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991.

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Дело славистов. 30-е годы. М.: Наследие, 1994.

Васильева О. Ю. «Я против противопоставления советской и российской науки о религии...» // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 294–301.

Дружинин П. А. Идеология и филология. Т. 1–2. М.: НЛО, 2012.

«Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX–начала XXI в./Сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

О фольклористике, этнографии и истории религии (письма к М. И. Шахновичу) // *Религиоведение*, 2011. №. 3. С. 171–179.

Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: этнографические тетради. СПб.: Наука. Вып. 5–6., 1994.

Савицкий С. А. Частный человек. Лидия Гинзбург в конце 1920-х–начале 1930-х годов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013.

Сойфер В. Н. Власть и наука. 4-е изд. перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002.

Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. Сборник статей./Сост. Арефьева И. Г. М.: Наука, 1995.

Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014.

Яблоков И. Н. Самоидентификация религиоведения в современной России. К дискуссии в отечественной литературе// http://religious-life.ru/2014/10/yablokov-samoidentifikatsiya-religiovedeniya-v-sovremennoy-rossii-k-diskussii-v-otechestvennoy-literature/Обращение 15 января 2015 г.

Archive Materials

Arkhiv Rossiiskoi Akademii Nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences].

Literature

Alpatov, Vladimir (1991). *Istoria odnogo mifa* [History of One Myth: Marr and Marrism]. Moskva: Nauka.

Antonov, Konstantin (ed.) (2014) *«Nauka o religii», «nauchnyi ateism», «Religiovedenie»: aktual'nye problem nauchnogo izuchenia religii v Rossii* XX- *nachala* XXI *vekov* [«The science of religion», «scientific atheism», «religious studies»: actual problems of scientific study of religion in Russia in the twentieth and early twenty-first century]. Moskva: Izdatel'stvo Sviato-Tikhonovskogo Pravoslavnogo Universiteta.

Aref'eva, Irina (ed.) (1995) *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii Nauk* SSSR.*Sbornik statei* [The Tragic Fate: the Repressed Scholars of the Academy of Sciences of the USSR]. Moskva: Nauka.

Ashnin, Fedor, Alpatov, Vladimir (1994) *Delo slavistov. 30-e* [Case of Slavists. 1930's]. Moscow.

Druzhinin, Pavel (2012) *Ideologia* I *fililogia* [Ideology and philology]. T. 1–2. Moskva: NLO.

Reshetov, Alexander (1994) «Repressirovannaya etnografia: ludi i sud'by» [Repressed Ethnography: People and their Fate], *Kunskamera: Etnograficheskie tetradi* 5–6. Saint-Petersburg.

Savitzkii, Stanislav (2013) *Chastniy chelovek. L. Ya. Ginzburg v kontse 1920–1930-h godov* [Private person. Lidia Ginzburg in late 1920-s — early 1930-s]. St. Petersburg: European University Publ.

Shakhnovich, Marianna (1993) „The Study of Religion in the Soviet Union", *Numen* 40: 67–81.

Shakhnovich, Marianna (2011) «O fol'kloristike, etnografii i istorii religii (pis'ma k M. I. Shakhnovichu). Publikatsiya i kommentarii» [On the Study of Folklore, Ethnography and History of Religion. Letters to Mikhail Shakhnovich. Publication and commentary], *Religiovedenie* 3:171–180.

Shakhnovich, Marianna and Chumakova, Tatiana (2014) *Muzei istorii religii Akademii Nauk* SSSR *i rossiiskoe religiovedenie (1932–1961)* [Museum of the History of Religion of Academy of Sciences of the USSR and the Religious Studies in Russia (1932–1961)]. St. Petersburg: Nauka.

Soifer, Vladimir (2002). *Vlast' i Nauka* [Power and science]. 4th ed. Revised. and add. Moskva: CheRo.

Vasilyeva, Olga (2014) «Ya protiv protivopostavlenia sovetskoi i rossiiskoi nauki o religi...» [«I am against the opposition of the Soviet and Russian science of religion...»], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3: 294–301.

Yablokov, Igor (2015) «Samoidentifikatsia religiovedenia v sovremennoi Rossii. K diskussii v otechestvennoi literature» [Self-identification of Religious Studies in Modern Russia. On Debates in the Russian Literature], *Religous Life* [http://religious-life.ru/2014/10/yablokov-samoidentifikatsiya-religiovedeniya-v-sovremennoy-rossii-k-diskussii-v-otechestvennoy-literature/, accessed on January 15, 2015].